

Е.В. Потёмкина, И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

**Номо Increrpans: бранная лексика
в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова.
Статья вторая**

Аннотация: В статье рассматривается номенклатура бранной лексики в романе «Соборяне» и повести «Островитяне» Н.С. Лескова и в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, являющейся одной из характерных особенностей авторского идиолекта. Показывается соотносительность инвектив с типами персонажей данных произведений, делается предположение о строгом детерминизме их употребления. Обозначаются функции бранных слов. Обнаружено, что в текстах анализируемых произведений Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского существенно преобладает частота инвектив ‘подлец’, ‘дурак’, ‘тварь’, ‘шут’ и нек. др. Обращается также внимание на высокую частоту употребления слова ‘черт’. Изученный материал подтверждает гипотезу о связи, существующей между частотностью инвектив с типом языковой личности. Невозможность идентифицировать себя с каким-то классом или социальной группой, своеобразная социальная шизофрения влечет за собой брань, агрессивность и нервное, часто раздвоенное состояние, создает особый тип языковой личности – Номо Increrpans («человек ругающийся»). Подтверждается идея о том, что к Номо Increrpans относятся и сами авторы, Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков: активное использование инвектив в разножанровых текстах, не только художественных, существенным образом характеризует их идиостиль. С целью сравнения особенностей употребления инвектив у разных авторов вводится понятие текстового ассоциативного поля, даются фрагменты такого рода полей в романе «Соборяне» и повести «Островитяне» Н.С. Лескова и в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: идиолект, бранная лексика, инвектива, Достоевский, Лесков

E.V. Potemkina, I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

**Homo Increrpans: Abusive Vocabulary of Personages
in Fyodor Dostoevsky’s and Nikolay Leskov’s Works.
The Second Article**

Abstract: The article examines the range of abusive vocabulary in Nikolay S. Leskov’s novel “Soboritanians” and story “Islanders” and Fyodor M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov” as one of the characteristic features of the authors’ idiolect. It reveals a

correlation between expletives and the types of characters in these works and suggests that their use is governed by strict determinism. The functions of abusive words are marked. It reveals that the analyzed literary works by Leskov and Dostoevsky are marked by the predominance of the expletives scoundrel, fool, beast, jester ('podlets', 'durak', 'tvar' , 'shut') among others. Attention is also paid to the high frequency of the word 'devil' ('tchyort'). The analyzed material confirms the hypothesis of the relationship between the frequency of expletives and types of linguistic identity. The inability of identifying oneself with any class or social group, a kind of social schizophrenia that leads to swearing, aggression and a nervous, often split personality, creates a special type of linguistic identity – Homo Increpans ("Swearing Man"). The idea reaffirms that Nikolay S. Leskov and Fyodor M. Dostoevsky themselves belong to the Homo Increpans archetype as well: the active use of abusive words in texts of different genres, not just fiction, typifies their idiostyle to a great extent. For the purpose of comparison of the use of invective features by different authors the concept of associative field of the text is given and the fragments of such kind of fields in Nikolay S. Leskov's novel "Soboritians" and story "Islanders" and Fyodor M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" are introduced.

Key words: idiolect, abusive vocabulary, invective, Dostoevsky, Leskov

Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергично произносит это существительное, чтобы выразить об чем-то, об чем раньше у них общая речь зашла, свое самое презрительное отрицание.

Ф.М. Достоевский. Дневник писателя

[Препотенский] Позвольте вас спросить: я третьего дня был в церкви и слышал, как один протопоп произнёс слово «дурак». Что клир должен петь в то время, когда протопоп возглашает «дурак»? | – Клик трижды воспевает: «учитель Препотенский», – ответил Савелий.

Н.С. Лесков. Соборяне

Даже «здравствуй» можно сказать так, чтобы оскорбить человека.
Даже «сволочь» можно сказать так, что он растает от удовольствия.

Глеб Жеглов. Место встречи изменить нельзя

В статье развиваются некоторые идеи и дополняются наблюдения относительно функций инвектив в художественном тексте; авторских предпочтений в выборе тех или иных бранных слов и их соотносительности с определенными типами персонажей; связи инвектив с этимологией и возможной реализации в тексте их исходного, этимологического значения; зависимости между использованием лексики, выполняющей бранную функцию, с категорией «элитарной языковой личности», а также строгой избирательности инвектив в мотивированной задаче создания художественного образа (см. [Ружицкий, Потёмкина 2018; 2019]). Кроме того, предлагается метод реконструкции текстового ассоциативного поля, посредством которого возможен сравнительный анализ расширенного смыслового содержания инвектив в произведениях разных авторов. Анализ употребления бранных слов в статье ограничен текстами романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, а также романа «Соборяне» и повести «Островитяне» Н.С. Лескова. В отличие от предыдущей статьи, где

материалом послужили тексты романов «Бесы» и «На ножах», данные произведения практически ничто не связывает.

Неизменным остается положение о том, что слова могут приобретать бранное значение, соответственно, состав инвектив при этом существенно расширяется за счет лексем, образованных при помощи суффиксов субъективной оценки, различного рода новообразований, слов, например названий животных, бытовой и др. лексики, в непрямом значении. Главная функция, в которой эти слова используются, их основная интенция – желание оскорбить конкретного человека или группу лиц.

(1) Бранная лексика в романах «Братья Карамазовы» «Соборяне» и повести «Островитяне».

В тексте романа «Братья Карамазовы» зафиксированы следующие слова, выполняющие бранную функцию (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение ЛСГ инвектив в соответствии с убыванием частоты употребления в романе «Братья Карамазовы»

<i>Инвектива</i>	<i>Употребляемые с инвективной определения¹</i>	<i>Частота</i>
подлец	легкомысленный, несомненный, признанный, совершенный, старый	95
кутила да подлец		1
подлечоночек	мелкий	1
архиподлец		1
шут	злой, коренной, лстивый, прежний, старый, хитрый и упрямый	36
паяц		3
пьеро		2
комедиант	подлейший	1
дурак	иступлённый злобный	36
дурачок		3
дура	проклятая	12
дурачьё		1
изверг	единичный	31
изверг-отцеубивец		1
тварь ²	беспутная, продажная; неуклюжая, позорная и с позорным лицом, этакая	27
змея		1

¹ Определения в романе, как правило, встречаются в единичном употреблении.

² В романе «Братья Карамазовы» слово *тварь* 4 раза употребляется в зн. 'любое живое существо, созданное Богом': [Д. Карамазов Андрею, по дороге в Мокрое к Грушеньке, по отношению к которой чаще всего и используется инвектива *тварь*] «Знаешь ты, что надо дорогу давать. Что ямщик, так уж никому и дороги не дать, дави, дескать, я еду! Нет, ямщик, не дави! Нельзя давить человека, нельзя людям жизнь портить; а коли испортил жизнь – наказуй себя... если только испортил, если только загубил кому жизнь – казни себя и уйди. | <...> [Андрей] Правда это, батюшка Дмитрий Фёдорович, это вы правы, что не надо человека давить, тоже и мучить, равно как и всякую **тварь**, потому всякая **тварь** – она **тварь** созданная, вот хоть бы лошадь, потому другой ломит зря, хоша бы и наш ямщик...» [Достоевский 1976, 14: 371]. Помимо слова *тварь* в прямом, не бранном, значении в романе «Братья Карамазовы» схожие функции выполняют *юродивый*, *черт*, *шут*, *жид* и нек. др.; в таблице фиксируется частота употребления данных лексем только как инвектив.

мочалка	банная	15
сладострастник	низкий и с неудержимыми чувствами подлое существо, развратный	15
шельма	мягкая, публична, смердящая, столичная	14
гад	самый подлый	9
гадина		5
мерзавец	страшный	5
мерзавка		2
жид		7
жидок		5
жидишки		2
жиденята		1
ослица	этакая валаамова	7
осёл	зелёный	4
клоп		6
лакей	вонючий	4
лакейская душа		1
бульонщик		5
хам		4
негодяй	дрянной	5
свинья	естественная, чистая	5
поросёнок		2
лайдак ¹		5
подлайдак		1
мошенник		5
плут		2
пройдоха		2
мазурик		1
шилник ²	этакой	1
обманщик		1
обманщица		1
дрянь		4
каналья	пьяная	4
иезуит	смердящий, мой прекрасный	3
разбойник		3
варнак		1
олух		3
пупырь ³		3
мозгляк		2
фанфарон	школьный	2

¹ От *польск.* *laidak* – ‘негодяй, мошенник, плут, гуляка, лодырь’.

² *Обл., устар.* ‘мошенник, плут’.

³ *Уничиж.* ‘важный человек; шишка, прыщ’.

бесстыдница		2
бесстыдник	старый	1
бесстыдник и притворщик		1
пошляк		2
юродивый	маленький	2
скотина		2
скоты	совершеннейшие	1
злодейка		2
бестолочь	всеобщая	1
хапуга		1
беспутник	пьяный и невоздержный	1
потаскун	старый	1
балбес		1
балбесина		1
бурбон	нищий	1
овца	этакая	1
егоза		1
фискал		1
барчонок		1
низкий вы человек		1
животное	низкое	1
сопляки-моралисты	чахоточные	1
монах в гарнитуровых штанах		1
каплун ¹		1
петухи	индейские	1
сволочь	медицинская	1
шпага	чёрная	1
харя	пьяная	1
идиот	большой	1

В данный список не вошло слово *черт* (106 употреблений в бранном значении), выполняющее у Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, как было отмечено в [Потёмкина, Ружицкий 2019], преимущественно эвфемистическую функцию. О том, что писатель, следуя определенным цензурным запретам или каким-то иным соображениям, заменял некоторые инвективы, говорит, например, то, что в черновом варианте романа вместо [Д. Кармазов о Ракитине] «Свинья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло!» [Достоевский 1976, 15: 30] первоначально было: «<...> у сукина сына вышло!» [там же: 328].

Среди слов с суффиксами субъективной оценки, помимо вынесенных в таблицу, отмечаются *кунчишка* (*старый*), *хвастунишка*, *полячок*, *полячишка*, *полячонок* *мозглявенький*, *адвокатишка*, *лгунишка*. В бранной функции в романе употре-

¹ От нем. *Karrhahn* – ‘кастрированный и откармливаемый на мясо петух’.

блются также некоторые субстантивированные прилагательные – *проклятый, наглая, низкая, бесстыжая, нищий*.

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» зафиксировано приблизительно 560 инвектив (погрешность подсчета около 5%). Исходя из того, что общее количество слов – 302 608, бранная лексика, не считая другие полнзначные слова с негативной коннотацией, составляет 0,19%, что удивительным образом совпадает с частотой ее использования в романе «Бесы» – 0,2%.

Не может не обратить на себя внимание преобладание по частоте инвективы *подлец* – 95 употреблений при следующих за ней по частоте инвективах *дурак* и *шут* – по 36 употреблений. Слово *подлец* было достаточно частотным и в «Бесах», но тем не менее не до такой степени. Причины того, почему именно *подлец* стал своеобразным ядром «поля брани» (В.И. Жельвис) в романе «Братья Карамазовы», мы постараемся показать ниже. Довольно частотны также инвективы *изверг* и *тварь*. Соответственно, в романе «Братья Карамазовы» в качестве ядра инвективного текстового ассоциативного поля выступает ряд *подлец* – *дурак* – *шут*, на который приходится основная пейоративная нагрузка.

Как и в романе «Бесы», в «Братьях Карамазовых» интересен не только арсенал инвектив и общая частота употребления, но и насыщенность бранной лексикой узких контекстов с многочисленными повторами. Например:

[Д. Карамазов] «На другой день прихожу к ней и приношу эту половину [денег]: “Катя, возьми от меня, мерзавца и легкомысленного **подлеца**, эту половину, потому что половину я прокутил, прокучу, стало быть, и эту, так чтобы от греха долой!” Ну как в таком случае? Всё что угодно, и зверь и **подлец**, но уже не вор, не вор окончательно, ибо, если б вор, то наверно бы не принёс назад половину сдачи, а присвоил бы и её. Тут же она видит, что коль скоро принёс половину, то донесёт и остальные, то есть прокученные, всю жизнь искать будет, работать будет, но найдёт и отдаст. Таким образом, **подлец**, но не вор, не вор, как хотите, не вор! | – Положим, что есть некоторая разница, – холодно усмехнулся прокурор. – Но странно всё-таки, что вы видите в этом такую роковую уже разницу. | – Да, вижу такую роковую разницу! **Подлецом** может быть всякий, да и есть, пожалуй, всякий, но воров может быть не всякий, а только **архиподлец**. Ну да я там этим тонкостям не умею... А только вор подлее **подлеца**, вот моё убеждение. Слушайте: я ношу деньги целый месяц на себе, завтра же я могу решиться их отдать, и я уже не **подлец**, но решиться-то я не могу, вот что, хоть и каждый день решаюсь, хотя и каждый день толкаю себя: “Решись, решишь, **подлец**”, и вот весь месяц не могу решиться, вот что!» [Достоевский 1976, 14: 443].

Многочисленные повторы инвективы *подлец* (8 раз) в сравнительно небольшом отрезке текста усиливаются употреблением другой бранной и оценочной лексики – *мерзавец, зверь, вор, подлее*. Или:

«Об отношениях своих к Грушеньке, прежних и теперешних, пан Муссялович стал было заявлять горячо и гордо, так что Митя сразу вышел из себя и закричал, что не позволит “**подлецу**” при себе так говорить. Пан Муссялович тотчас же обратил внимание на слово “**подлец**” и попросил внести в протокол. Митя закипел от ярости. | – **И подлец, подлец!** Внесите это и внесите тоже, что, несмотря на протокол, я всё-таки кричу, что **подлец!** – прокричал он» [там же: 452].

В тексте повести «Островитяне» зафиксированы следующие слова, выполняющие бранную функцию (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Распределение ЛСГ инвектив в соответствии
с убыванием частоты употребления в повести «Островитяне»**

<i>Инвектива</i>	<i>Употребляемые с инвективной определения</i>	<i>Частота</i>
дурак		1
дура		2
дурка		1
самодур		1
бесстыдник	большой, художник	3
каналья		2
каналья-самодур		1
портной без узла		1
шалопай	художественный	3
мерзавец		2
мерзопакость	страшная	1
палач	этакий молодой, наш	2
простопор	наш брат, душа	2
самый вредный человек		1
башибузук ¹		1
болван	«петербургского нигилизма»	1
вахлачок ²	тенористый	1
востроглазая		1
дрянь		1
дьявол бы совсем взял		1
колбасник		1
крендель	этакой выборгский	1
нахалы		1
негодяй	первый	1
нуль	нарисованный в квадрате	1
ппподлец ³		1
Ришелье	этакой	1
сакрамент ⁴		1
чёрт ⁵		1

¹ От *турец.* *bas* и *bozuk* – *обл., прост., устар.* ‘сорвиголова, головорез’.

² *Пренебр.* ‘неуклюжий, грубый, необразованный мужчина’.

³ Из искаженной речи пьяного.

⁴ В зн. ‘проклятый’.

⁵ Как и в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в повести «Островитяне» слово *чёрт* в большинстве случаев используется в эвфемистической функции, например: «Выпито было столько, что сам Шульц, поправляя потный хохол, шептал: | – Однако, **чёрт возьми**, мы, что называется, кажется, засветили!» [Лесков 1989, 3: 434]. Однако зафиксирован один случай его употребления в бранной функции: «Что ж Газе! Ну, что ж такое Газе! – восклицал с кислою миною Фридрих Фридрихович [Шульц] поклонникам немецкого Гаррика. – Видел-с я и Газе и Дависона, а уж я не говорю об этом **чёрте**, об Ольридже...» [там же: 335].

В повести «Островитяне» 38 инвектив, что при общем количестве слов (56 614) составляет 0,07%. Преобладающей частоты употребления какой-либо одной инвективы не наблюдается, что тем не менее определенным образом компенсируется использованием экзотической бранной лексики – *дурка, каналья-самодур, портной без узла, мерзопакость, простопор, сакрамент, этакой wyborгский крендель* и нек. др.

В романе «Соборяне» зафиксированы следующие слова, выполняющие бранную функцию (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ЛСГ инвектив в соответствии с убыванием частоты употребления в романе «Соборяне»

<i>Инвектива</i>	<i>Употребляемые с инвективой определения</i>	<i>Частота</i>
дурак	набитый, совершенный	19
дурачок	Божий	6
дура	неоплатная	4
подлец	последний, тренафемский	12
каналья	весьма комплектная, дерзкая	6
бурдюк	с вином	6
глупец	всякий	3
глупый человек		1
глупый мальчишка		1
негодяй	глупый, но язвительный; страшный	4
негодивец	этакой	6
скот	чёрный	4
скотина	лакомые	3
мерзавец	петербургский	3
баран	этакой кучерявый	3
шельма	речистый	3
деревяшка		2
дубина	протяжённо сложенная, целый воз дров	2
наглец		2
нахал		2
супостат	новый, просвирнин сын, научитель пакостей	2
тиран	сиракузский	2
разбойник		1
разбойница		1
погань		1
поганный народ		1
ляше	прокажённый	1
ляхи		1
бездельник		1
бесстыдник	этакий старый	1
болван		1

болтун		1
бурсак ¹		1
гнуслики		1
гриб лафертовский ²		1
дармоед	не обманщик	1
Данка Нефалимка ³		1
дромадёр ⁴		1
еретики		1
зуда		1
Каин	неистовый	1
нечестивец	куцый	1
сия кочерга столь старого леса		1
откупщики-кровопийцы		1
ослы		1
паршь ⁵		1
пентюх	сякой-такой	1
плут		1
строка	ты этакая	1
татары	несытые	1
тиран		1
фараон		1
фофан		1
шут		1

Кроме того, Н.С. Лесков в романе «Соборяне» использует следующие слова с суффиксами субъективной оценки, выполняющие бранную функцию: *мальчишка, полячишки, ублюдочка, чертенюк, чертушка*.

В романе «Соборяне» 135 инвектив, включая слова с суффиксами субъективной оценки. Исходя из того, что общее количество слов в романе «Соборяне» – 92 802, бранная лексика, не считая других полнзначных слов с негативной коннотацией, составляет примерно 0,14%, что ниже, чем в романе «На ножах» и чем в романах Ф.М. Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы»; объясняется это, по всей видимости, тематикой и системой образов произведения (герои в основном – провинциальные священники).

Что касается ядерного инвективного ряда в тексте романа «Соборяне», то он во многом совпадает с выделенным в романе «На ножах». Наиболее частотны слова *дурак* и *подлец*, а также инвективы *дурачок – дура – каналья – бурдюк*. То есть, как и в романе «На ножах», текстовое ассоциативное (инвективное) поле романа Н.С. Лескова является более рассеянным, а выбор инвективы представляется более «свободным».

¹ В зн. 'ученик бурсы (училища или семинарии)'; *перен.* 'грубиян'.

² От собственного имени – Ф.Я. Лефорт; *обл., простор.* 'старый, устаревший'.

³ Игра слов: Данка – *уменьш.* от Дарья, Дан и Нефалим в Библии – имена двух сыновей Иакова.

⁴ *Терм.* 'верблюд'; *перен.* 'глупый детина'.

⁵ От *парша* – 'чесотка, лишай'; *перен., устар.* 'о ком-, чём-л. старом, дрянном, скверном'.

Повторы одной инвективы в узком контексте, в отличие от того, что мы видим у Ф.М. Достоевского, ограничены 2–3 словами (хотя и Н.С. Лесков часто использует повтор как фигуру речи):

[Из дневника Савелия] «Вперёд буду умнее, ибо хотя молиться за всех могу и должен, но в **дураках** как-то у **дураков** дважды быть уж несогласен. Причту своему не подал никакого виду, и они ничего этого не поняли» [Лесков 1989, 1: 106].

У Н.С. Лескова мы встречаем больше инвектив областных или просторечных, популярных в каком-либо ареале, у какой-либо ограниченной группы населения, воспринимаемые, по крайней мере современным читателем, как весьма экзотические: *гриб лафертовский, негодивец, гнусники, дромадер, зуда*. Использование такого рода лексики – вообще одна из характерных черт лесковского идиостиля.

(2) Как и в предыдущей статье, покажем соотношенность частого употребления инвектив с тем или иным персонажем, зависимость от его социальной принадлежности и/или психотипа.

Одним из наиболее любимых бранных слов Ф.М. Достоевского является *подлец* (если, конечно, не принимать во внимание *черта*, выполняющего, как было сказано, особую функцию, и довольно частотной и многозначной инвективы *дурак*), что наиболее очевидно как раз в романе «Братья Карамазовы»: из общего числа употреблений этого слова в полном собрании сочинений писателя – 393 (347 в художественной прозе, 17 в публицистике и 29 в личных письмах) – 95, т. е. 24,2%, приходится именно на это произведение, причем больше половины – в речи Д. Карамазова; довольно часто, 10 употреблений, – в речи Ф.П. Карамазова (3 из которых по отношению к Ивану) и единичные случаи у Ракитина, Катерины Ивановны (в рассказе Д. Карамазова), Смердякова, Снегирёва, И. Карамазова и нек. др. персонажей. Этимологически, если оставить в стороне весьма фантастическую версию о связи *подлец* с глаголом *подливать* – ‘тот, кто подливал воду в ходе смертной казни через замерзание’, *подлец* восходит к ‘простой, незнатный, социально низкий’, и заимствовано это слово из польского языка. Возможно, не случаен в связи с этим и приведенный выше эпизод с паном Муссяловичем.

Инвектива *подлец* всегда связана с оценкой поступка, своего или чужого, с точки зрения сложившихся понятий о чести, часто во многом субъективных, что и служит, на наш взгляд, основной причиной особого интереса к ней Ф.М. Достоевского, находящего отражение в суждениях афористического типа, часто парадоксальных:

[Маслобоев] «<...> **подлецам** превосходно иметь дело с так называемыми возвышенными существами; <...> по-моему, так нет человека не **подлеца** <...>» (Униженные и оскорблённые); «Можно быть даже и **подлецом**, да чутья о чести не потерять <...>» (Зимние заметки о летних впечатлениях); [Парадоксалист] «<...> самый отъявленный **подлец** может быть совершенно и даже возвышенно честен в душе, в то же время несколько не переставая быть **подлецом**» (Записки из подполья); «– **Подлец** человек! И **подлец** тот, кто его за это **подлецом** называет», – прибавил он [Раскольников] через минуту» (Преступление и наказание); [Ганя] «**Подлецы** любят честных людей <...>» (Идиот); [Коля] «<...> говорит [Ипполит], что тот, кто пропустит пощёчину и не вызовет на дуэль, тот **подлец**» (Идиот); [Тришатов] «<...> он [Андреев] вам вдруг говорит, что и **подлец**, и честный – это всё одно и нет разницы» (Подросток); [И. Карамазов] «Глупость коротка и нехитра, а ум виляет и прячется. Ум **подлец**, а глупость пряма и честна» (Братья Карамазовы); «<...> нет такого **подлеца** и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость <...> в принцип свою мерзость возводит <...>» (Дневник писателя);

[П.А. Исаеву] «Кто ничего не хочет делать, тому одна дорога смолоду: быть ш<е>напа-ном» и **подлецом**» (Письма) (см. [СЯД 2017: 711]).

Сказанным объясняется и последовательность употребления этой инвективы в речи Д. Карамазова, готового потерять всё, кроме своих представлений о чести, например:

«– Ба! – страшно вдруг нахмурился Дмитрий Федорович и ударил себя ладонью по лбу. Он только что теперь обратил внимание, хотя Алёша рассказал всё давеча зараз, и обиду и крик Катерины Ивановны: “Ваш брат **подлец!**” – Да, в самом деле, может быть, я и рассказал Грушеньке о том “роковом дне”, как говорит Катя. Да, это так, рассказал, припоминаю! Это было тогда же, в Мокром, я был пьян, цыганки пели... Но ведь я рыдал, рыдал тогда сам, я стоял на коленках, я молился на образ Кати, и Грушенька это понимала. Она тогда всё поняла, я припоминаю, она сама плакала... А, чёрт! Да могло ли иначе быть теперь? Тогда плакала, а теперь... Теперь “кинжал в сердце”! Так у баб. | Он потупился и задумался. | – Да, я **подлец!** Несомненный **подлец**, – произнёс он вдруг мрачным голосом. – Всё равно, плакал или нет, всё равно **подлец!** <...> Стой, Алексей, ещё одно признание тебе одному! – вдруг воротился Дмитрий Фёдорович назад. – Смотри на меня, пристально смотри: видишь, вот тут, вот тут, – готовится страшное бесчестие. (Говоря “вот тут”, Дмитрий Фёдорович ударял себя кулаком по груди и с таким странным видом, как будто бесчестие лежало и сохранялось именно тут на груди его, в каком-то месте, в кармане может быть, или на шее висело зашитое.) Ты уже знаешь меня: **подлец, подлец** признанный! Но знай, что бы я ни сделал прежде, теперь или впереди, – ничто, ничто не может сравниться в подлости с тем бесчестием, которое именно теперь, именно в эту минуту ношу вот здесь на груди моей, вот тут, тут, которое действует и совершается и которое я полный хозяин остановить, могу остановить или совершить, заметь это себе!» [Достоевский 1976, 14: 143–144].

Инвектива *шут* в романе «Братья Карамазовы» в подавляющем большинстве случаев используется применительно к Федору Павловичу Карамазову, причем и сам персонаж с почти мазохистским удовольствием себя так характеризует:

«Но только было подали к крыльцу гостиницы его [Ф.П. Карамазова] дребезжащую коляску, как он, уже влезая в неё, вдруг приостановился. Ему вспомнились его же собственные слова у старца: “Мне всё так и кажется, когда я вхожу куда-нибудь, что я подлее всех и что меня все за **шута** принимают, – так вот давай же я и в самом деле сыграю **шута**, потому что вы все до единого глупее и подлее меня”. Ему захотелось, всем отомстить за собственные пакости. Вспомнил он вдруг теперь кстати, как когда-то, ещё прежде, спросили его раз: “За что вы такого-то так ненавидите?” И он ответил тогда, в припадке своего шутовского бесстыдства: “А вот за что: он, правда, мне ничего не сделал, но зато я сделал ему одну бессовестнейшую пакость, и только что сделал, тотчас же за то и возненавидел его”. Припомнив это теперь, он тихо и злобно усмехнулся в минутном раздумье. Глаза его сверкнули, и даже губы затряслись. “А коль начал, так и кончить”, – решил он вдруг» [Достоевский 1976, 14: 80].

Ф.П. Карамазов как бы замыкает собой целую галерею шутов Ф.М. Достоевского: Фома Фомич, Лебедев, Лебядкин и нек. др. Все они примерно одного возраста, 50–55 лет, с болезненным самолюбием и раздражением, а также осознанием своего ничтожества в обществе, часто сочетающимся с ощущением превосходства. Одна из версий происхождения слова *шут* связывает его этимологию с литовским *siūtas* – ‘бешенство, ярость’. Ф.П. Карамазов – своеобразная квинтэссенция персонажей этого типа, образ, в котором шутовству придается философско-психологический статус, в свою очередь его инвективный статус практически исчезает.

Адресатом частотной инвективы *тварь*, причем с самых первых страниц романа и до последних, почти во всех случаях выступает Грушенька, первый раз так о ней говорит Миусов, именно этим словом вызвав возмущение Ф.П. Карамазова:

«А вы, Пётр Александрович Миусов, знайте, сударь, что, может быть, во всем вашем роде нет и не было выше и честнее – слышите, честнее – женщины, как эта, по-вашему, **тварь**, как вы осмелились сейчас назвать её! А вы, Дмитрий Фёдорович, на эту же “**тварь**” вашу невесту променяли, стало быть, сами присудили, что и невеста ваша подошвы её не стоит, вот какова эта **тварь!**» [Достоевский 1976, 14: 69].

Это же определение Грушеньки затем подхватывает Ракитин. И один раз *тварью* называет себя Д. Карамазов, но опять же в связи с Грушенькой:

«А что я ей дал, я, нищий, голяк, за что такая любовь ко мне, стою ли я, неуклюжая, позорная **тварь** и с позорным лицом, такой любви, чтоб со мной ей в каторгу идти?» [там же: 418].

Все остальные случаи употребления инвективы *тварь* мы находим в речи «институтки» Катерины Ивановны, начиная с известной сцены ее первой встречи с Грушенькой, после которой иначе как *тварью* Катерина Ивановна Грушеньку и не называла:

«– Как хотите [об отказе поцеловать ручку]... Что с вами? – вздрогнула вдруг Катерина Ивановна. | – А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет. – Что-то сверкнуло вдруг в её глазах. Она ужасно пристально глядела на Катерину Ивановну. | – Наглая! – проговорила вдруг Катерина Ивановна, как бы вдруг что-то поняв, вся вспыхнула и вскочила с места. Не спеша поднялась и Грушенька. | – Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне целовали ручку, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться! | – Мерзавка, вон! | – Ах как стыдно, барышня, ах как стыдно, это вам даже и непристойно совсем, такие слова, милая барышня. | – Вон, продажная **тварь!** – завопила Катерина Ивановна. | Всякая чёрточка дрожала в её совсем искажившемся лице» [там же 140]; «– Потому поссорились, что когда он объявил мне, что в случае осуждения Дмитрий Фёдорович убежит за границу вместе с той **тварью**, то я вдруг озлилась – не скажу вам из-за чего, сама не знаю из-за чего... О, конечно, я за **тварь**, за эту **тварь** тогда озлилась, и именно за то, что и она тоже, вместе с Дмитрием, бежит за границу! – воскликнула вдруг Катерина Ивановна с задрожавшими от гнева губами. – Иван Фёдорович как только увидел тогда, что я так озлилась за эту **тварь**, то мигом и подумал, что я к ней ревную Дмитрия и что, стало быть, всё ещё продолжаю любить Дмитрия. Вот и вышла тогда первая ссора. Я объяснений дать не захотела, просить прощения не могла: тяжело мне было, что такой человек мог заподозрить меня в прежней любви к этому... И тогда, когда я сама, уже давно перед тем, прямо сказала ему, что не люблю Дмитрия, а люблю только его одного! Я от злости только на эту **тварь** на него озлилась!» [Достоевский 1976, 15: 180].

Один раз *тварью* называет Грушенька сама себя, как бы соглашаясь с этим уже укоренившимся за ней эпитетом: «О, **тварь!** Это я **тварь**, я!» [там же: 182], – и единственный раз, когда *тварь* никак не относится к Грушеньке, – в словах И. Карамазова о Смердякове: «Этакая **тварь**, да ещё в очках!» [там же: 50].

Адресатами инвективы *изверг* выступают разные персонажи – так называют Смердякова И. Карамазов и Григорий, два раза *изверг* встречается в рассказе И. Карамазова об убийце Ришаре, два раза – в Житии старца Зосимы и по два раза в речах Ипполита Кирилловича и Фетюковича. Чаще всего, однако, *изверг* относится к Д. Карамазову, и это «ярлык», который навесил на него И. Карамазов и «подхватила» Катерина Ивановна:

[И. Карамазов А. Карамазову] «Не могу я тут поступить как надо, разорвать и ей [Катерине Ивановне] прямо сказать! – раздражительно произнёс Иван. – Надо подождать, пока скажут приговор убийце. Если я разорву с ней теперь, она из мщениия ко мне завтра же погубит этого негодяя на суде, потому что его ненавидит и знает, что ненавидит. Тут всё ложь, ложь на лжи! Теперь же, пока я с ней не разорвал, она всё ещё надеется и

не станет губить этого **изверга**, зная, как я хочу вытащить его из беды. И когда только придёт этот проклятый приговор! | Слова “убийца” и “**изверг**” больно отозвались в сердце Алёши» [Достоевский 1976, 15: 39]; «Она [Катерина Ивановна], наконец, описала с чрезвычайной ясностью, которая так часто, хотя мгновенно, мелькает даже в минуты такого напряжённого состояния, как Иван Фёдорович почти сходил с ума во все эти два месяца на том, чтобы спасти “**изверга** и убийцу”, своего брата. | <...> я вынула это письмо и показала ему, и он уж совсем убедился, что убил брат, и это уже совсем сразило его. Он не мог снести, что родной брат – отцеубийца! Ещё неделю назад я видела, что он от этого болен. В последние дни он, сидя у меня, бредил. Я видела, что он мешается в уме. Он ходил и бредил, его видели так по улицам. Приезжий доктор, по моей просьбе, его осматривал третьего дня и сказал мне, что он близок к горячке, – всё чрез него, всё чрез **изверга**! А вчера он узнал, что Смердяков умер – это его так поразило, что он сошёл с ума... и всё от **изверга**, всё на том, чтобы спасти **изверга**!» [там же: 121].

Надо сказать, что и сам Д. Карамазов, еще до суда, на допросе, называет себя *извергом*, причем в афористичной, основанной на параллелизме, форме:

«– Стойте, – перебил вдруг Митя и с каким-то неудержимым чувством произнёс, обращаясь ко всем в комнате. – Господа, все мы жестоки, все мы **изверги**, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех – пусть уж так будет решено теперь – из всех я самый подлый гад!» [Достоевский 1976, 14: 458].

Так или иначе, инвектива *изверг* в «Братьях Карамазовых», независимо от того, кто и по отношению к кому употребляет это слово, всегда соотносится с полем ‘убийство’, этимологически же оно связано с ‘выкидыш’, а также с ‘выбрасывать, изгонять’, и это этимологическое значение тоже находит в романе отражение:

[Михаил, убийца, из Жития старца Зосимы] «Как **изверга** себя **извергаю** из среды людей, бог посетил меня, – заключил бумагу, – пострадать хочу!» [там же: 282].

Что касается инвективы *дурак*, любимого бранного слова Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, то ее используют самые разные персонажи, чаще – И. Карамазов, в основном в обращении к черту, т. е., по сути, к самому себе, и Смердякову, и Ф.П. Карамазов – в основном при обращении к Смердякову. *Дурак*, однако, встречается и в речи Грушеньки, Варвары Снегиревой и даже Алеши и отца Ферапонта¹.

Таким образом, наиболее частотные инвективы в романе «Братья Карамазовы» связаны с конкретными образами: Ф.П. Карамазов, Д. Карамазов, Грушенька, И. Карамазов и Катерина Ивановна, – образующими своего рода «инвективный

¹ В общей сложности слово *дурак* в текстах Ф.М. Достоевского встречается 383 раза (341 – в художественной прозе, 26 – в публицистике и 16 – в письмах); в деловой корреспонденции слово *дурак* отсутствует, что вполне естественно. Особый интерес представляют высказывания афористического типа, в состав которых входит эта инвектива: [Алёша] «<Не далее как вчера он [Безмыгин] сказал к разговору:> **дурак**, сознавший, что он **дурак**, есть уже не **дурак**!» (Униженные и оскорблённые) [данное высказывание зафиксировано как афоризм в Словаре Михельсона 1912 г.]; [Парадоксалист] «<...> умный человек и не может серьёзно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только **дурак**» (Записки из подполья); [Иван Иванович] «Всех умней, по-моему, тот, кто хоть раз в месяц самого себя **дураком** назовёт <...>» (Бобок); [Д. Карамазов] «<Григорий стоит на своём. Григорий честен, но **дурак**.> Много людей честных благодаря тому, что **дураки**. <Это – мысль Ракитина>» (Братья Карамазовы). Наиболее частые причины, по которым то или иное лицо квалифицируется таким образом, это: проматывать деньги, разбрасываться деньгами (например, когда пьян); показывать деньги; задолжать; говорить вздор, ревновать, быть слишком откровенным, наивным, простоватым, говорить не прямо; совершить инерционный, необдуманый поступок (дать пощечину); быть обманутым (обсчитанным); не делать ожидаемого поступка; не знать света, не иметь места в свете; быть слишком уверенным в чем-то; быть втянутым не в свое дело; быть честным; не знать новых порядков или, наоборот, старого времени (подробнее см. [Ружицкий 2015: 134–139; СЯД 2010: 628–636]).

пятиугольник», пентагон, внутри которого и возникает любовный конфликт, *надрыв*. Помимо того что эти персонажи, мягко сказать, малосимпатичны, их объединяет еще одна черта – все они испытали в жизни унижение, а испытавший унижение часто в дальнейшем стремится унижить других, в том числе и посредством использования бранных слов.

Рассмотрим соотношенность употребления инвектив с персонажами романа «Соборяне» и повести «Островитяне» Н.С. Лескова.

Анализ инвективного поля повести «Островитяне» показал, что по отношению к одному из персонажей, художнику Роману Истомину, адресовано наибольшее количество бранных слов, что свидетельствует об особом отношении к нему автора. Эти инвективы составляют следующий ассоциативный ряд (от шуточного тона к оскорбительному и, в завершение, уничижительному регистру): *шалопай (художественный) – сумасбродные люди – бесстыдник – портной без узла – каналья – мерзавец – самый вредный человек – палач – нуль*. Среди бранящих Истомина – он сам, рассказчик, Соваж (Герман Верман) и Ида Норк. Как отмечают литературные критики, в дальнейшем Н.С. Лесков считал Истомина одним из своих «дурных поступков», за которые «краснеет» (см. письмо к А.С. Суворину от 3 февраля 1881 г.). Н.И. Соловьёв, современник Н.С. Лескова, писал, что автор повести «въедается в одну личность художника Истомина, которого и казнит без милосердия. Казнь эта так ясна, что становится даже жаль бедного Истомина, не смотря на всю призрачность его фигуры¹» (цит. по: [Лесков 1957: 583]).

Действительно, основным лейтмотивом повести «Островитяне» является спор об искусстве и роли художника в общественной жизни. Время создания произведения совпало с выходом в свет трактата П.-Ж. Прудона «Искусство. Его основания и общественное назначение»; в «Островитянах» Н.С. Лесков непосредственным образом откликается на это издание: проблемы общественной значимости искусства прямо обсуждаются в спорах действующих в повести лиц (см. [Лесков 1989, 3: 458]). В подтверждение гипотезы, что употребление бранной лексики служит у писателя для раскрытия художественного образа, рассмотрим контекст, в котором употреблена инвектива *бесстыдник*, ассоциативно связанная с лексемой *художник*:

«– Да вы знаете ли искусство-то? понимаете вы что-нибудь в искусстве? – частила дама, бог знает как передавшаяся вдруг совсем на сторону чистого искусства для искусства. | – Знаю-с; знаю, – отвечал, звонко прихихикивая, тенористый дякон. – Если толстая голая женщина нарисована, так это, значит, Рубенс упражнялся. Большой **бесстыдник!** <...> | Я случайно взглянул на Истомина: он сидел вытянув ноги и сложив их одну на другую; сигару свою он держал между двумя пальцами правой руки и медленно пускал тоненькую струйку синего табачного дыма прямо в нос тенористому дякону. | – Так, по-вашему, что ж, художников надо выгнать, что ли? – приставала дама. | – Выгнать-с? – Нет, это Платон предлагал увенчать всех этих **бесстыдников** лаврами и потом выгнать, а по-моему, на что на них лавры истреблять. | <...> Их к делу надо обратить, – продолжал он, отмахнувшись от дыма. <...> | – Это прелесть! это чудо что такое! Это совершенство! – восхищалась дама, покрывая всё довольно громким смехом. <...> Ну, а певцов, скульпторов, музыкантов, актёров: их всех куда девать? | – Зачем же их девать куда-нибудь? Перестанут им деньги давать, так они сами и петь и плясать перестанут. | – То-то!

¹ Ср., например: [Истомин] «Больней, больней меня **казните**, бога ради! | [Ида] Ах, как это противно, если бы вы знали! Вы, бога ради, бросьте все эти фразы и эту вовсе мне не нужную покорность, – отозвалась нетерпеливо Ида. – Какая **казнь!** На что она кому-нибудь?.. Я к вам пришла совсем за другим делом, а не **казнить** вас: ответьте мне, если можете, искренно: жаль вам мою сестру или нет?» [Лесков 1989, 3: 405].

а ведь их много; пожалуй, ещё отпор дадут, – чистила, вовсе уж не вслушиваясь, дама. | – Ну, не дадут-с... <...> | – Почему? – спросил его резко Истомин. | – Что это? отпор-то? Да какой же отпор? Картинки как-то на дрезденский мост потребовались, так и тех пожалели. | – Это совсем не идёт к делу. | – А мы разве с вами о делах говорим? Тенор захихикал и добавил: | – Смешно! | – А вы не смейтесь, – остановил его, бледнея, Истомин. | – Отчего же-с? Это правительством не запрещено. | – Оттого, что мне это не нравится. | – Напрасно-с. | – Напрасно! Вы говорите – напрасно! А что, ежели я, **бесстыдник**, художник Истомин, сейчас после этого “напрасно” объявлю, что всякому, кто посмеет при мне сказать ещё хотя одно такое гнусное слово об искусстве, которого он не понимает, то я ему сейчас вот этими самыми руками до ушей рот разорву?» [Лесков 1989, 3: 351].

Анализ текстовых ассоциативных связей в приведенном выше отрывке показывает, что инвектива *бесстыдник*, соотносимая с Истоминым, вступает в подчинительные связи с *большой, эти, увенчать лаврами, выгнать*, в паратаксические отношения со словом *художник*, а также входит в тематическую группу ‘искусство’: *чистое искусство, художник, Платон, нарисовать, картинки на дрезденский мост, толстая голая женщина, Рубенс, певцы, скульпторы, музыканты, актеры, петь и плясать*. Данный фрагмент текстового ассоциативного поля позволяет сделать вывод о реализации прежде всего такого компонента значения слова *бесстыдник*, как ‘художник, нарушающий правила приличия’ (Ф.М. Достоевский, по всей видимости, предпочел бы в этом случае слово *безобразник*), и это значение у Н.С. Лескова актуализируется только в повести «Островитяне». Отметим также, что в работе В.В. Леденёвой, посвященной идиолекту Н.С. Лескова, образу художника посвящен отдельный параграф, в котором без упоминания повести «Островитяне» говорится о двух узальных ЛСВ: «1. *Книжн.* Человек, творчески работающий в какой-н. области искусства. *Любой художник Вам скажет, что собственный глаз иногда (и даже часто) “засматривается” и не замечает, где есть что-то, требующее пополнения или облегчения;* 2. То же о живописцах. *Был у меня Третьяков и просил меня, чтобы я дал списать с себя портрет, для чего из Москвы прибыл и художник, Валентин Александрович Серов...*». При этом, как подчеркивает В.В. Леденёва, в первом случае его употребление как единицы идиолекта связано с актуализацией положительно оценочной семы (см. [Леденёва 2015: 139, 141]).

В тексте повести также находим фрагмент монолога Истомина с использованием инвективы *сумасбродный*, в центре которого та же антиномия – художник и общество:

«Ваши женщины! Бог с ними совсем! Прийти тайком, соорудить рога оленю мужу – они готовы; но чтоб с нами наше горе черпать, нужде в глаза смеяться, любить мой труд, мою работу... Нет! Она скорей убьёт все искорки таланта, а не раздует, не освежит его и не согреет. «Вот, скажет, Фридрих Фридрихович [Шульц] – вот муж примерный! Жена его спит на лебяжьем пуху; купается в розовом масле, а ты...», да и пойдёт меня... мою свободу, мою свободу; будет мне в моих глазах же гадить! Станет упрекать меня за то, что я пренебрегаю так какой-то вовсе мне не нужной чепухой; станет равнять меня с купцом или с казнокрадом!.. Да нет, оставьте, господа, вы говорить о нас, попорченных и **сумасбродных людях**! Кого вы называете любовницами нашими?.. Да разве в самом деле есть, что ли, женщины, способные любить? Не верьте, не верьте, батюшка Фридрих Фридрихович! Никто нас не любит. Просто соскучатся с благоразумными мужьями, да пошालят; а где там им, грешным, любить!» [Лесков 1989, 3: 342].

Текстовые ассоциативные связи инвективы *сумасбродный* включают в себя, в частности, лексемы *художник, подпорченный, талант, искорки, черпать горе, терпеть нужду, любить труд, свобода, гадить, упрекать, пренебрегать, не способные любить женщины, шалить* и противопоставляется таким, как *примерный муж, благоразумные мужья*.

Таким образом, инвективы *бесстыдник* и *сумасбродный* соотносятся с лексемой *художник* и с семантическим полем ‘талант, творчество’.

Определённый интерес представляет также слово *прихотник*, которое можно отнести к периферии инвективного поля «Островитяне». В тексте повести оно встречается 2 раза, один раз – *прихотничество* и 10 употреблений – *прихоть*, все случаи в контексте описания особого петербургского типа: «Ещё более странных и ещё менее достойных извинения **прихотников** встречается здесь среди людей, надышавшихся в юности воздухом василеостровской Академии художеств и восприявших на себя её предания. Вечное детство и, к несчастью, весьма нехорошее, испорченное детство этих людей поистине изумительно» [там же: 330].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что *сумасбродный* в «Островитянах» Н.С. Лескова – это ‘безрассудный, поступающий по случайной прихоти (как художник); капризный’¹.

По мере развития образа Истомина, автор «нанализывает» на него определённые инвективы с разной степенью проявления их бранной функции. Своеобразной кульминацией такой инвективизации персонажа становится словесная «казнь», совершаемая над ним Идой Норк. Именно она называет Истомина сначала *самым вредным человеком*, а потом – *нулем*:

«Но, monsieur Истомин, есть женщины, для которых лучше отказаться от малейшей крупинки счастья, чем связать себя с **нулём**, да ещё... с **нулём**, нарисованным в квадрате. Я одна из таких женщин. | Истомин сверкнул глазами и тотчас же усмирел снова» [там же: 405].

Можно заключить, что инвективное поле повести «Островитяне» связано с ключевой ролью лексем *казнь* и *казнить* (7 употреблений), оказывающихся своего рода нравственным обоснованием (разрешением автора) для использования персонажа в своей речи по отношению к художнику Истомину брани.

Нельзя не обратить внимание и на то, кого и как ругает сам Истомин:

«**Дьявол бы совсем взял эту глупость!** – начал он мне на ухо, стараясь в то же время сморгнуть и утереть свою слезу» [там же: 314]; «Какой уж, однако, в самом деле, **колбасник** этот Шульц; терпеть я его не могу в некоторые минуты! – проговорил, нервно кусая ногти, Истомин» [там же: 327]; «– Да вздор всё это! совсем никто ничего и не боится; а это всё **Идища** эта сочиняет. **Этакой, чёрт возьми, крендель выборгский**, – проговорил он с раздражением, садясь к столу, и тут же написал madame Норк записку» [там же: 368].

В этом отношении *не-ругающаяся* Ида Норк становится героем-антиподом (аналогичные образы мы видели в романе «На ножах»), что еще раз подтверждает положение о том, что бранящиеся персонажи, как правило, маргиналы – представляющие нечто среднее, кто в чем-то «недо-» (см. [Ружицкий, Потёмкина 2018; 2019]): *недо-дворянин*, *недо-священник*, *недо-крестьянин* и... *недо-художник*. Брань служит в этом случае для мнимого возвышения над собеседниками или теми, к кому она обращена, иногда – над самим собою.

В романе-хронике «Соборяне», изданном уже на следующий (1867-й) после повести «Островитяне» год, тоже выделяются персонажи, в речи которых используется большое количество инвектив: помещица нового типа, «неоплатная дура»

¹ Ср. характеристику Истомина: «Я знаю эти **капризные** натуры: вдохновения нет, сейчас и беситься, – самодовольно разъярился он [Шульц], обращаясь к Иде Ивановне и Мане. | <...> Чудачества Истомина продолжались. Он, как говорил о нём Шульц, всё не переставал **капризничать** и не возвращался к порядку» [там же: 348].

Бизюкина, «боярыня» Плодомасова, «петербургский мерзавец» Термосесов, *недо-дьякон*, «дубина» Ахилла. Так же, как и у персонажей Ф.М. Достоевского, многие бранные слова используются дворянами по отношению к своим слугам:

[Бизюкина Ермошке] «Бешмет, **дурак**, “бешмет-с”! <...> Понимаю, **дурак**, понимаю, а не “понимаю-с”»; «Не “понимаю-с”, **глупый мальчишка**, а просто “понимаю”, ю, ю, ю; просто понимаю!» [Лесков 1989, 1: 184]; [Бизюкина Марфе] «Ну и ничего-с, и **дура**, и значит, что ты их не любишь, а вперёд, я тебя покорно прошу, ты не смей мне этак говорить: “отчего же-с”, “ничего-с”, а говори просто “отчего” и “ничего”. Понимаешь? <...> | – Слышу-с. | – “Слышу-с”... **Дура**. Иди вон!» [там же: 185]; [Термосесов об Ермошке] «Да полотенце вам, верно, подано, – отозвалась хозяйка. | – Есть, – крикнул из кабинета Ермошка. | – “Есть!” Ишь как орёт, **каналья**» [там же: 190]; [Термосесов] «Мальчишка, слуга! А выфранчен лихо. Пошёл нам умыться готовь, **чертёнок**. | – Готово, – резко ответил намуштрованный Ермошка» [там же: 190]; [Термосесов Данилке] «И пусть их знают, все твои господа здешние чиновники, а мы не здешние, мы петербургские. Понимаешь? – из самой столицы, из Петербурга, и я приказываю тебе, сейчас подписывай, **подлец ты тренафемский**, без всяких рассуждений, а то... в Сибирь без обыска улетишь!» [там же: 206]; [Термосесов Данилке] «Я тебе, **бездельнику**, тогда всю рожу растворю, щеку на щеку помножу, нос вычту и зубы в дробь превращу!» [там же: 207] и нек. др.

В процессе анализа состава инвективного поля и распределения его единиц в речи персонажей романа «Братья Карамазовы» и романа-хроники «Соборяне» было выявлено, что наиболее яркие инвективы связаны с ассоциативным полем, которое условно можно обозначить как ‘неконтролируемое раздражение, состояние аффекта’, и представлены у Ивана Карамазова (непрямые ассоциации *раздражительно, впечатление, нервно, затрястись, очнулся, завопил, вскричать, стукнуть кулаком по столу, бледнеть от злости, нестерпимая злоба, озлиться, обругаться*) и Ахиллы (непрямые ассоциации *Боже мой!; Не глупец ли?; Ну послушай!; не человек; вскричать; обидеться; Ах ты!*), при этом раздражающими стимулами выступают, соответственно, Смердяков и Варнава.

Брань в адрес Смердякова мы видим в речи таких персонажей, как Ф.П. Карамазов – *(валамова) ослица, лакейская душа, каналья, дурак*; Григорий – *барчонок, изверг, подлец, бульонщик*, Иван – *страшный мерзавец, изверг, дрянной негодяй, негодяй, дурак, подлец, смердящая шельма, такая тварь... в очках*. Наиболее показательный пример употребления инвектив в речи последнего:

«“Да неужели же этот **дрянной негодяй** [Смердяков] до такой степени может меня беспокоить!” – подумалось ему с нестерпимой злобой» [Достоевский 1976, 14: 242]; «Иван Фёдорович затрясся: “Прочь, **негодяй**, какая я тебе компания, **дурак!**” полетело было с языка его, но, к величайшему его удивлению, слетело с языка совсем другое» [там же: 244].

Брань в адрес Варнавы Препотенского звучит в речи протопопа Савелия Туберозова – *глупец; глупый, но язвительный негодяй; новый супостат, просвирнин сын и научитель пакостей*, протопопицы Натальи Николаевны – *негодивец*, помещицы Бизюкиной – *набитый дурак*, его матери – *дурачок*, помещицы Серболовой, ученицы Туберозова – *дурачок*, и, наконец, дьякона Ахиллы – *негодивец; глупец; бурдюк с вином; глупый человек; дурачок*. Приведем некоторые примеры употребления инвектив в речи последнего:

«Но боже мой, боже мой! как я [Ахилла] только вспомню да подумаю – и что это тогда со мною поделалось, что я его, этакое **негодивца** Варнавку, слушал и что даже до сего дня я ещё с ним как должно не расправился!» [Лесков 1989, 1: 58]; [Ахилла] «Это, понимаете, на отца Савелия-то! И к чему-с это; к чему это я там в ту пору о нём

заговорил? Ведь не **глупец** ли?» [там же: 59]; [Ахилла] «Я не умею прочесть? Ах ты, **глупый человек!** Да я если только захочу, так я такое прочитаю, что ты должен будешь как лист перед травой вскочить да на ногах слушать!» [там же: 271].

Близость образов Смердякова и Варнавы подтверждается также следующим: 1) этимологией онимов: *смерд* – ‘раб, холоп’; *препотенский* ← лат. *omnia mea mesum porte* – ‘что на мне, то и моё’¹, ‘пустой’²; *Варнава* ← варначить – ‘спорить’³ (подробнее см. [Вязовская, 2015]); 2) сравнением с чертом: у Лескова обыгрывается имя Препотенского: «Не сердись, говорит, друг мой Варнашенька (очень хорошее имя, извольте видеть, дали, чтоб его ещё переделывать в Варнашенек да в Черташенек) <...>» [там же: 136]; мать говорит о Варнаве, как об «испорченном»⁴; 3) тем, что и тот и другой ставят под сомнения основные догматы веры. Ср.:

[Смердяков] «Насчёт подлеца повремените-с, Григорий Васильевич, – спокойно и сдержанно отразил Смердяков, – а лучше рассудите сами, что раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут и греха не будет <...>. Ибо едва только я скажу мучителям: “Нет, я не христианин и истинного бога моего проклинаяю”, как тотчас же я самым высшим божьим судом немедленно и специально становлюсь анафема проклят и от церкви святой отлучён совершенно как бы иноязычником, так даже, что в тот же миг-с – не то что как только произнесу, а только что помыслию произнести, так что даже самой четверти секунды тут не пройдёт-с, как я отлучён, – так или не так, Григорий Васильевич?» [Достоевский 1976, 14: 118]; «А Варнавка говорит: “Тем и глупа [надпись], что ещё самый факт-то, о котором она гласит, недостоверен; да и не только недостоверен, а и невероятен. Кто это, говорит, засвидетельствовал, что жезл Ааронов расцвёл? Сухое дерево разве может расцвести?” Я было его на этом даже остановил и говорю: “Пожалуйста, ты этого, Варнава Васильич, не говори, потому что бог идс же хочет, побеждается естества чин»; но при этом, как вся эта наша рацея у акцизничихи у Бизюкиной происходила, а там всё это разные возлияния да вино всё хорошее: все го-го, го-сотерн да го-марго, я... прах меня возьми, и надрызгался. Я, извольте понимать, в винном угаре, а Варнавка мне, знаете, тут мне по-своему, по-учёному торочит, что “тогда ведь, говорит, вон и мани факел фарес было на пиру Вальтасаровом написано, а теперь, говорит, ведь это вздор; я вам могу это самое сейчас фосфорною спичкой написать”. Ужасаюсь я; а он всё дальше да больше: “Да там и во всём, говорит, бездна противоречий...” И пошёл, знаете, и пошёл, и всё опровергает» [Лесков, 1989. Т. 1: 144].

Как видно из *таблицы 3*, ядро «поля брани» в романе «Соборяне», так же как и в антинигилистическом романе «На ножах» (см. [Ружицкий, Потёмкина 2019]), составляют инвективы *дурак* и *подлец*. Дополняют инвективный ряд слова *каналья* –

¹ В одной из редакций романа Варнава фигурирует под фамилией Омнепотенский, которая обыгрывается в тексте: Термосесов называет учителя «Омнеамеамекумпортеский» (цит. по: [Вязовская 2015]).

² «Вот Варнаша всегда это кушанье кушает, а посмотрите какой он: точно **пустой**. | – Гм! – произнёс Варнава, укоризненно взглянув на мать, и покачал головой. | – Да что же ты! Ей-богу, ты, Варнаша, **пустой!** | – Вы ещё раз это повторите! – отозвался учитель. | – Да что же тут, Варнаша, тебе такого обидного? Молока ты утром пьёшь до бесконечности; чаю с булкой кушаешь до бесконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь из-за стола опять весь до бесконечности **пустой**, – это болезнь. Я говорю, послушай меня, сынок... | – Маменька! – перебил её, сердито крикнув, учитель. | – Что ж тут такого, Варнаша? Я говорю, скажи, Варнаша, как встанешь утром: “Наполни, господи, мою **пустоту**” и вкуси... | – Маменька! – ещё громче воскликнул Препотенский – | Да что ты, дурачок, чего сердиться? Я говорю, скажи: “Наполни, господи, **пустоту** мою” и вкуси петой просвирки <...>» [Лесков 1989, 1: 146].

³ «– Боже, кто это тебя, **Варначок**, так изувечил? – вскрикнула, встретив запоздалого сына, просвирия» [там же: 279].

⁴ «Теперь опять я третьего дня узнала, что они с акцизничихой, с Бизюкиной, вдруг в соусе лягушек ели! Господи! Господи! каково это матери вынести? А что с голоду, что ль, это делается? **Испорчен** он. Я, как вы хотите, я иначе и не полагаю, что он **испорчен**» [там же: 144].

негодяй / негодивец – скот / скотина – мерзавец, что свидетельствует об определенной константности идиолекта Н.С. Лескова в отношении использования инвектив. В отличие от романа «Братья Карамазовы», функциональная нагрузка слова *подлец* в хронике «Соборяне» значительно ниже. Характерный признак речи персонажей-соборян – употребление инвективы *глупец*, по всей видимости, в эвфемистической функции. Ее высокая частотность у Н.С. Лескова обусловлена прежде всего тем, что большую часть текста романа занимает речь служителей церкви, «поповки», в том числе и дневник протопопа Савелия Туберозова. По этой же причине употребление инвектив старцем Зосимой, А. Карамазовым, отцом Паисием сравнительно редко.

Рассмотрим текстовое ассоциативное поле инвективы *глупец* в следующих фрагментах романа:

[Ахилла] «**Глуп**, говорит [Туберозов], ты!..» Ну, **глуп** и **глуп**, не впервой мне это от него слышать, я от него этим не обижаюсь, потому он заслуживает, чтоб от него снести, а я всё-таки вижу, что он всем этим недоволен, и мне от этого пребеспокойно... И вот скажите же вы, что я трижды **глуп**, – восклицал дьякон, – да-с, позволяю вам, скажите, что я **глуп**, если он, отец Савелий, не сполитикует. Это уж я наверно знаю, что мне он на то не позволяет, а сам сполитикует <...> Теперь знаю, что такое! – говорил он окружающим, спешиваясь у протопоповских ворот. – Все эти размышления мои до сих пор предварительные были не больше как одною **глупостью** моею; а теперь я наверно вам скажу, что отец протопоп кроме ничего как просто велел вытравить литеры греческие, а не то так латинские. Так, так, не иначе как так; это верно, что литеры вытравил, и если я теперь не отгадал, то сто раз меня дураком после этого назовите. – Погоди, погоди, и назовём, и назовём, – частил в ответ ему отец Захария, в виду остановившейся у ворот протопоповской кибитки» [Лесков 1989, 1: 54]; [Из дневника Туберозова]; «Или ты мыслишь, что уже и самое время моё прошло и что я уже не нужен стране, тебя и меня родившей и воспитавшей... О слепец! скажу я тебе, если ты мыслишь первое; о глупец! скажу тебе, если мыслишь второе и в силу сего заключения стремишься не поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться над тем, что я смраден стал, задохнувшись» [там же: 93]; [Туберозов о Варнаве] «На вопрос мой, отчего не пожелал в духовное звание, коротко отвечал, что не хочет быть обманщиком. Не стерпев сего **глупого** ответа, я сказал ему, что он **глупец**. Однако, сколь ни ничтожным сего человека и все его мнения почитаю, но уязвлён его ответом, как ядовитой осой. Где мой проект о положении духовенства и средствах возвысить оное на достойную его степень, дабы **глупец** всякий над ним не глумился и враг отчизны сему не радовался?» [там же: 105].

Персонаж, в речи которого употребляется инвектива *глупец*, – Савелий Туберозов, ее адресатами являются Варнава Препотенский и Ахилла. Усилительную функцию, помимо повторов самой инвективы *глупец* и однокоренных с ним слов: *глуп*, *глупый* и *глупость*, – выполняет языковая игра на основе паронимической аттракции («о слепец <...> о глупец»), а также семантически близкая лексика – *дурак*, *ничтожный человек*, *враг отчизны*. На периферии поля находятся *не обижаться*, *заслуживать*, *снести*, *восклицать*, *называть*, *родить* и *воспитать*, *мыслить*, *возвысить*, *глумиться*, *не стерпеть*.

Можно сделать предположение, что в романе «Соборяне» инвектива *глупец* в подавляющем большинстве случаев используется в функциях номинации по модели **S–P**-инвектива (например, *глуп ты*; *я трижды глуп*; *о глупец! скажу тебе*; *я сказал ему, что он глупец*) и эвфемизации, а также как способ само-инвективизации, при этом она пересекается с полем 'нравоучение'.

(3) Проведенный в статье анализ употребления инвектив в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, а также в романе «Соборяне» и повести «Островитяне» Н.С. Лескова позволяет сделать вывод о том, что бранная лексика для этих авторов

является важнейшим средством создания и раскрытия реалистичного художественного образа. Помимо желания оскорбить или унижить собеседника, она также может служить цели снижения социального статуса адресата, как средство вербальной агрессии, при самоуничижении, в эвфемистической и в нек. др. функциях. Ее строго мотивированное (в основном у Ф.М. Достоевского) использование, а в некоторых случаях и реализация в текстах литературных произведений ее этимона, связанного с конкретным художественным образом, позволяет говорить об особом типе языковой личности – Ното Инсгеранс («человеке ругающемся»). К этому типу языковой личности, несомненно, относятся и сами авторы – Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков: широкое, сознательное и мотивированное использование инвектив – одна из особенностей их идиолекта, сильно контрастирующая, например, с идиолектом Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

Вязовская В.В. «Все свое ношу с собой»: к этимологии одной фамилии персонажа Н.С. Лескова // Науч. вестник Воронежского гос. арх.-строит. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4(18). С. 167–171.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 512 с.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. 625 с.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 348 с.

Леденёва В.В. Слово Лескова: Монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1957. 583 с.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1968.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. Письма. М.: ГИХЛ, М., 1958. 850 с.

Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. 479 с.

Лесков Н.С. Островитяне // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1989. 463 с.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Ното Инсгеранс: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая // Stephanos. 2019. № 3(35). С. 78–89.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф.М. Достоевского) // Русская речь. 2018. № 6. С. 29–39.

СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1067 с.

СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) / Под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 835 с.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov. Books I–X. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 14. Leningrad. Nauka Publ. 1976. 512 p.

Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov. Books XI–XII. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 16. Leningrad. Nauka Publ. 1976. 625 p.

Zhelvis V.I. (2001) *The Field of the Swearing: Profanity as a Social Problem in World Languages and Cultures*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow. Ladimir Publ. 348 p.

Ledeneva V.V. (2015) *The Word of Leskov: Monograph*. Moscow. 260 p.

Leskov N.S. *Collected Works: In 11 vols. Vol. 3*. Moscow. 1957. 583 p.

Leskov N.S. *Collected Works: In 11 vols*. Moscow. 1956–1968.

Leskov N.S. *Collected Works: In 11 vols. Vol. 11. Letters*. Moscow. 1958. 850 p.

Leskov N.S. *Soboritians*. In: *Leskov N.S. Collected Works: In 12 vols. Vol. 1*. Moscow. Pravda Publ. 1989. 479 p.

Leskov N.S. *Islanders*. In: *Leskov N.S. Collected Works: In 12 vols. Vol. 3*. Moscow. Pravda Publ. 1989. 463 p.

Potemkina E.V., Ruzhitskiy I. *Homo Increpans: Abusive Vocabulary of Personages in Fyodor Dostoevsky's and Nikolay Leskov's Works. The First Article*. *Stephanos*. 2019. No 3(35), pp. 78–89.

Ruzhitskiy I.V. (2015) *Dostoevsky's Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph*. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.

Ruzhitskiy I.V., Potemkina E.V. "Elite Linguistic Personality" and Abusive Vocabulary (on the example of F.M. Dostoevsky's idiolect). *Russkaya Rech*. 2018. No 6, pp. 29–39.

Vyazovskaya V.V. "Carry All Mine with Me": On the Etymology of Surname of One Character of N.S. Leskov. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. No 4(18), pp. 167–171.

СЯД 2010 – *Dostoevsky's Dictionary: Idioglossary (Г–З)* / Ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1067 p.

СЯД 2017 – *Dostoevsky's Dictionary: Idioglossary (И–По)* / Ed. by Yu.N. Karaulov; science ed. by I.V. Ruzhitskiy. Moscow. Azbukovnik Publ. 2017. 835 p.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
канд. пед. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
konnitie@mail.ru